

УДК 339.1 (571.1) 09

А.А. Чурсина

**СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ТОМСКОГО УЕЗДА:
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СТРУКТУРА СЕМЬИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

Анализируются роль и место служилых людей в аграрном освоении Томского уезда в первой четверти XVIII в., пофамильный состав служилого населения по деревням Подгороднего, Спасского и Чулымского станов. Рассматривается также структура семьи данной социальной группы (состав, численность, возраст), осуществляется ее сравнение со структурой крестьянской семьи, прослеживается деятельность потомков служилых людей в предпринимательской сфере.

Ключевые слова: служилые люди, семья, предпринимательство.

История служилых людей и их потомков вот уже на протяжении нескольких десятилетий является объектом пристального внимания исследователей. В 2009 г. исполняется 250 лет со времени крупной приписки к Колывано-Воскресенским заводам не приписанных ранее крестьян и разночинцев Кузнецкого и Томского уезда. В состав разночинцев вошли, помимо других групп населения, казацкие дети (потомки и родственники служилых людей).

Несмотря на наличие обобщающих данных по истории служилых людей и их потомков в XVII – первой четверти XVIII в. (это исследования З.Я. Бояришиновой, Н.Ф. Емельянова, А.А. Люцидарской, Н.И. Никитина), а также большого количества работ по истории приписного крестьянства (историография проблемы освещена в монографии А.Н. Жеравиной «Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.)»), существует достаточное количество вопросов, требующих дальнейшего освещения и переосмысления (даже на основании источников, ранее введенных в научный оборот [1–4; 5. С. 4–35]).

Бесспорно, что изучение аграрного строя и сельского населения прошлой России – одно из обширных направлений отечественной историографии. Относительно интенсивно ведутся разработки по общей социально-экономической истории крестьянства Сибири. Получили освещение статистика, численность и структура семей в крупных регионах, хозяйственные функции крестьянского двора, социально-экономическая дифференциация хозяйств. В настоящее время целесообразно сосредоточить внимание не на общих координатах социально-экономического и семейного строя Сибири, а на конкретно-историческом анализе их проявлений по отдельным местностям и контингентам (группам) населения – в данном случае значительный интерес представляют судьбы служилых людей и их потомков.

Поэтому цель статьи – рассмотреть хозяйственную деятельность и структуру семьи служилых людей в первой четверти XVIII в., проследить деятельность потомков служилых людей в предпринимательской сфере. Уже на протяжении XVII в. русское население Томского уезда состояло преимущественно из служилых людей и их потомков. По сведениям Н.Ф. Емельянова, в 1660 г. в нем насчитывалось 847 дворов служилых людей, в 1699 г. – 918 дворов и в 1724 г. – 1004 двора. На 1703 г. запашка слу-

жилых людей, отставных казаков и детей казачьих составляла 2640 десятин, а у крестьян – 728 десятин в одном поле [2. С. 104].

Подобные выводы делает З.Я. Бояршинова, отмечая, что «первое место среди земледельцев занимали служилые люди», которые совместно с отставными казаками, казачьими детьми, не верстанными в службу детьми боярскими составляли 72,5 % земледельцев Томского уезда [6. С. 181].

Низшей административно-территориальной единицей в XVII в., обозначающей земледельческий район, являлся стан. На территории Томского уезда возникло несколько станов: Подгородний, Спасский, Семилужный, Чулымский, Запорожский, Обской, Сосновский, Верхотомский.

Помимо острогов, первыми русскими поселениями невоенного типа стали заимки, создаваемые служилыми людьми вблизи острогов. Заимки служилых людей при естественном увеличении их семейств и путем последующих присоединений пришлых людей превратились затем в деревни и села, в большинстве случаев получив названия по фамилии основателя. В статье будут проанализированы данные по трем станам – Подгороднему, Спасскому и Чулымскому.

Из семи деревень Подгороднего стана (Аркашева, Сафронова, Протопопова, Воронова, Лоскутова, Кучумова, Пермитина) четыре были основаны служилыми людьми. На 1720 г. в Подгороднем стане насчитывалось 65 дворов, из них 40 принадлежали служилым людям, отставным казакам и казачьим детям, 18 – посадским людям, пять – вдовам (причем удалось точно установить, что три вдовы были вдовами служилых людей) и два двора – оброчным людям. Служилые люди обрабатывали 38,5 десятины в одном поле, а «в дву по тому ж», имели покосы на 180 копен и 18 бань, с которых платили оброк «по пять алтын на год». Служили они без хлебного жалованья и уплаты в казну отсыпного хлеба.

Фамильный состав служилых людей и детей казачьих в Подгороднем стане был представлен Аркашевыми, Бажениными, Григоровскими, Гутовыми, Колмогоровыми, Кузнецовыми, Кучумовыми, Нехорошевыми, Оловянишниковыми, Пермитиными, Петуховыми, Плотниковыми, Протопоповыми, Чусаевыми. Всего удалось установить 14 фамилий [7. Л. 30, 34, 39, 42, 46].

Представители вышеуказанных фамилий встречаются еще в «Расходной книге Томского города за 1629–30 гг.»: Гутов Андрей (Ондрюшка) Семенов (томский пеший казак десятка Никиты Дуды, денежный оклад 4 рубля с четью); Колмогор Федор (Федка) Александров (десятник томских пеших казаков, денежный оклад 4 рубля 25 алтын); Оловенишник Ондрюшка Артемьев (томский конный казак десятка Петра Попова, денежный оклад 7 рублей с четью); Чускай Иван (Ивашко) Никифоров (томский пеший казак десятка Андрея Дорохова, денежный оклад 4 рубля с четью, в 1629 г. послан на годовую службу в Мелесский острог) [8. С. 122, 128, 136, 148]. Спасский стан, по данным Переписной книги Томского уезда 1720 г., включал в себя село Спасское, деревни Батурину, Верхнебасандайскую, Ипатову, Калтайскую, Кафтанчикову, Вершинину.

Село Спасское было основано в 1620-е гг. служилыми людьми Томского города. К моменту переписи в нем насчитывалось 47 дворов, из них только

шесть принадлежали служилым людям. Служилые люди обрабатывали три десятины в одном поле, то есть большинство сказали, что угодьями не владеют; имели покос на 90 копен. Пеший казак Прокофей Пименов сказал, что занимается рыбным промыслом – ставит сеть, с которой платит оброк две гривны в год.

В деревне Батуриной на момент переписи насчитывалось 19 дворов, из них 12 принадлежали служилым людям. Они обрабатывали 6 десятин в одном поле, имели покос на 100 копен. В деревне Верхнебасандайской из 16 дворов 12 принадлежали служилым людям и казачьим детям. Служилые люди обрабатывали 10 десятин в одном поле, ставили 50 копен.

В деревне Ипатовой 14 дворов принадлежали служилым людям, которые обрабатывали 7 десятин в одном поле (всего в деревне было 15 дворов).

В деревне Калтайской из восьми дворов три принадлежали казачьим детям, три двора принадлежали вдовам служилых людей. В общей сложности обрабатывалось 2 десятины в одном поле. Во всех четырех дворах деревни Кафтанчиковой жили служилые люди, которые обрабатывали три десятины в одном поле, иноземского списка конный казак Степан Терезов имел покос на 100 копен. Отставной солдат Иван Кафтанчиков владел мельницей.

Таким образом, всего в земледельческом стане на указанный период насчитывался 61 двор служилых людей и детей казачьих, обрабатывавших 35 десятин в одном поле и ставивших 340 копен сена. В Спасском стане служилые люди и казачьи дети были представлены Банщиковыми, Барабановыми, Белоусовыми, Болтовскими, Большениновыми, Вагиными, Вершиниными, Вымятениными, Еремеевыми, Жуковыми, Ипатовыми, Карповыми, Кафтанчиковыми, Лузинными, Морозовскими, Одинцовыми, Паландриными, Паршуковыми, Пименовыми, Старициными, Терезовыми, Хлебниковыми, Шуртовыми (всего 23 фамилии) [7. Л. 110–147об].

В «Расходной книге Томского города за 1629–30 гг.» встречаются представители вышеуказанных фамилий: Белоусов Нехорошко Лукьянов (томский пеший казак десятка Ивана Кавалю, денежный оклад 4 рубля с четью); Вершинин Третьяк (томский конный казак); Еремеев Федотко (томский конный казак, денежный оклад 7 рублей) [8. С. 117, 119, 123].

В Чулымском стане в 1720 г. из пятнадцати населенных пунктов (село Зырянское, Спасское над Яею-рекою (Спасояинское), деревни Сухова, Цыганова, Бурнашева, Данилы Великосельского, Турунтаева, Подломская, Ишимская, Дорохова, Воронина, Жирова, Бедрина, Мангазеина) двенадцать были основаны служилыми людьми и только две – Турунтаева и Сергеева – посадскими и оброчными людьми соответственно.

Село Зырянское состояло из 16 дворов, из которых 3 принадлежали служилым людям и пешим казакам. Казачий сын Семен Никитин сын Макаров указал, что «землей владеет вообще с братом Василием, а пахоты не сказал». Таким образом, служилые люди обрабатывали лишь 1,5 десятины в поле.

Деревня Сухова насчитывала 3 двора, из них только один принадлежал служилому человеку Алексею Васильеву сыну Сузову, обрабатывавшему четь десятины в поле, «а в дву по тому ж». В деревне Цыгановой над рекою Чулымом один двор принадлежал казачьему сыну Михаилу Мартемьянову

сыну Цыганову, который обрабатывал две десятины в поле. Также в деревне проживала Василиса Григорьева дочь Ивановская жена Цыганова, вдова, с сыном Максимом, который служил с пашни и обрабатывал 2 десятины в одном поле (не указано, в какой службе находился Максим Иванов сын Цыганов, предположительно – в конной). В селе Спасояинском из 12 дворов 6 принадлежали служилым людям и казачьим детям. В одном поле на пашне обрабатывалось 6 десятин земли. Также по источнику выявлено три двора, где проживали вдовы служилых людей: Афросинья Карпова дочь Никитина жена Черпакова (сын – пеший казак Федор Никитин сын Черпаков 50 лет); Улита Карпова дочь Обросимова жена Черепанова (сын – конный казак Иван Обросимов сын Черепанов) и Анна Григорьева дочь Степановская жена Кузнецова. Почти все жители деревни Бурнашевой (15 дворов из 16) состояли из служилых людей, обрабатывавших 8 десятин в одном поле.

В однодворной деревне Данилы Великосельского в 1720 г. проживал конный казак Данила Иванов сын Великосельской с женой Аграфеной сорока лет от роду и детьми: Петром (11 лет), Василисой (6 лет) и Марфой (1,5 года). Он обрабатывал 1 десятину в поле, владел «мельницей колещетой» и баней, служил без хлебного жалованья.

Примечательно, что в документах раннего времени есть сведения об отце Данилы Великосельского Иване. В сборнике документов «Из истории земли Томской» приведена расспросная речь следующего содержания: «десятник Ивашко Иванов сын Великосельского сказал отец де ево родом из Великого Новгорода, а в Томск пришел волею и сначала Томский город ставил+ и посылан был ставить Кузнецкий острог, а служил он в конной службе, а он Иван родился в Томске и в 155-м (1647 г.)+ поверстан на отцово место в конную службу+ и во 174-м (1666 г.) прибавили ему за калмыцкую службу+ а во 186-м (1678 г.) написан в десятники, оклад ему учинен с десятничью восемь рублей с четью, а во 188-м (1680 г.) как приходили на Томский уезд воровские киргизские люди войною и за ними посылаемы были ис Томского служилые люди и погнав с ними с киргизскими людьми бой был и на том бою ево Ивана ранили, а детей у него четыре сына не в службе. Иван, 23-х лет послан был с ним Иваном в киргизскую землю на государеву службу и на бою ево иваша ранили тяжелою раною пробита шея под ушми насквозь копьем, Федька (15 лет), Ивашко ж (10 лет), Данилко (7 лет)» [9. С. 42–43]. Как раз Данила и стал основателем нового населенного пункта Томского уезда. Правда, наблюдается неточность с возрастом служилого человека: в Переписной книге Томского уезда указывается возраст 53 года, а если производить подсчет по вышеприведенному документу, то на момент переписи Даниле Великосельскому должно было исполниться 47 лет. Любопытно, что по документам прослеживается судьба родственника Данилы Великосельского. В именном списке о состоящих в городе Томске на 1759 г. разночинцах встречается фамилия Андрея Петрова сына Великосельского, владельца одной лошади (возможно, занимался извозом) [10. Л. 341]. А в «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» были обнаружены сведения о Николае Ивановиче Великосельском, который в 1745 г. записался в купцы из отставных солдат [11. Т. 1. Кн. 1. С. 42–43].

В деревне Турунтаевой в 4 дворах жили служилые люди и казачьи дети, обрабатывавшие 2 десятины земли. В деревне Сергеевой во всех трех дворах жили посадские люди Агафоновы, деревня Ишимская над Яею рекою состояла из двух дворов, принадлежавших оброчным людям.

В деревне Дороховой 9 из 12 дворов принадлежали служилым людям и казачьим детям. Несложно установить, что дворы вдов можно отнести к дворам, связанным со служилыми людьми, так как в двух случаях совместно со вдовами проживали их дети, Иван Петров сын Дорохов и Никита Осипов сын Осанов, конный и пеший казаки соответственно. Рядом с матерью, Парасковьей Дмитриевой дочерью Ивановской женой Дороховой, но отдельным двором жил ее сын Андрей Иванов сын Дорохов.

Следует отметить, что именно в этой деревне у казачьего сына бездетного Григорья Иванова сына Дорохова на подворье проживало наибольшее количество людей калмыцкой породы – 6 человек (из проанализированного материала). Общая запашка по деревне составляла 11 десятин в одном поле. В деревне Ворониной было лишь два двора. Один из них принадлежал конному казаку Дмитрию Кирилову сыну Воронину, обрабатывавшему одну десятину в поле, и один – его матери – вдове Арине Ермалаевой дочери Кирилловской жене Ворониной, обрабатывавшей четверть десятины в поле и проживавшей совместно с детьми Семеном (16 лет), Авдотьей (20 лет) и вскормленницей девкой Аксиньей (6 лет). В деревне Жировой было 5 дворов, четыре из них принадлежали служилым людям, которые обрабатывали 4 десятины земли в одном поле. В деревне Бедриной также было 5 дворов, из них три принадлежали служилым людям, обрабатывавшим 2 десятины в поле.

Деревня Мангазеина, более многочисленная по составу, насчитывала 10 дворов, из которых восемь числились за служилыми людьми и казачьими детьми, которые имели общую запашку в размере 5 десятин в поле. Таким образом, общая запашка в Чулымском стане составила 44 десятины в одном поле, ставилось 2610 копен сена. Всего в земледельческом стане насчитывалось 102 двора, из которых четырнадцать принадлежали конным казакам, девять – пешим казакам, тридцать два – казачьим детям, десять – вдовам служилых людей (то есть 64 % дворов принадлежали служилым людям) [7. Л. 156–217об].

Удалось выявить следующие фамилии служилых людей: Базины, Бедрины, Бурнашевы, Воронины, Дороховы, Канинины, Мамотовы, Пестрединниковы, Сыроежины, Турунтаевы, Черкашенины (всего 11 фамилий). В Расходной книге Томского города за 1629–30 гг. упоминаются Бебра Томил Григорьев (томский конный казак десятка Дмитрия Копылова с денежным окладом 7 рублей с четью. Он подозревался в грабеже тобольского атамана Ильина Гаврилы); Дорохов Андрей (десятник томских пеших казаков с денежным окладом 4 рубля 25 алтын, в 1630 г. послан в Москву с отписками); Пестрединнов Иван (пеший казак); Сыроежин Тренка Васильев (томский конный казак, денежный оклад 7 рублей); дважды упоминается фамилия Черкашениных (Черкашенин Петр Андреев – томский пеший казак десятка Исаака Быка, денежный оклад – 4 рубля; Черкашенин Степанко Васильев –

томский пеший казак Ивана Ковалья, денежный оклад 4 рубля с четью, переведен на конную службу в марте 1630 г.) [8. С. 117, 122, 137, 144, 147].

Подводя итоги хозяйственной деятельности служилых людей, можно сказать, что в среднем запашка одного хозяйства служилого человека не превышала 0,5 десятины в одном поле, несмотря на владение по документам в отдельных случаях большим количеством земли. Из Переписной книги Томского уезда 1720 г. следует, что максимальная запашка не превышала 2,5 дес. в одном поле, а минимальная составляла четверть десятины в поле.

Такому объему обрабатываемой земли соответствует и структура семьи служилых людей и казачьих детей на исследуемый период. З.Я. Бояршинова провела исследование структуры и численности крестьянской семьи в Томском уезде на это же период. Ею было исследовано 176 крестьянских семей, предварительно выделены следующие типы: одинокий мужчина, семья без мужчины – во главе двора женщина, супружеская пара без детей, супружеская пара с малолетними детьми, супружеская пара с малолетними и взрослыми детьми, родители с женатыми сыновьями и внуками, семьи из нескольких взрослых братьев без детей; семьи из взрослых братьев с малолетними братьями, семьи из нескольких женатых братьев с детьми, семьи из нескольких братьев – дети у одного, семьи из взрослых дядей с племянниками.

Большинство семей представляли семьи, в которых вместе проживали родители с женатыми сыновьями и внуками (41 семья – 23,2%); на втором месте – семьи из нескольких женатых братьев с детьми (37 семей – 21%), на третьем месте – супружеские пары с малолетними детьми (30 семей – 17,1%). Наименьшее распространение получили крестьянские семьи, где во главе двора стояла женщина (3 семьи), и семьи, состоящие из нескольких братьев без детей (3 семьи) [12. С. 13].

В результате анализа состава 227 семей служилых людей и казачьих детей по материалам трех земледельческих станов удалось установить, что на первом месте находились семьи, включавшие супружескую пару с малолетними детьми, – 74 семьи (32,5%); на втором месте – родители с женатыми сыновьями и внуками – 42 (18,5%) семьи; на третьем месте – супружеские пары с малолетними и взрослыми детьми – 31 (13,6 %) семья. Примечательно, что наименьшее количество семей у служилых людей составляли бездетные – 3 семьи и одиночки (10 человек). В восьми случаях одиночки не имели никакой земли или же обрабатывали четверть десятины. Встречается 12 семей, где во главе стояла женщина – вдова служилого человека. Объем обрабатываемой земли также не превысил 0,5 десятины во всех хозяйствах вдов.

Любопытные сведения были получены в ходе исследования возрастного состава семей служилых людей и казачьих детей. Была использована следующая градация: муж и жена одного возраста; муж старше жены на 1–5 лет; муж старше жены на 5–10 лет; муж старше жены больше чем на 10 лет; муж старше жены больше чем на 20 лет; муж моложе жены на 1–5 лет и муж моложе жены на 5–10 лет. В результате оказалось, что большинство семей составили семьи, где муж старше жены на 5–10 лет (98 семей); на втором месте семьи, где муж старше жены на год – пять лет (73 семьи); на третьем месте семьи, где муж старше жены более чем на 10 лет (48 семей). В одном

случае мужу, отставному пешему казаку Леонтию Семенову сыну Долгову, исполнилось 80 лет, а его жене Устинье 40 лет. Таких случаев, когда супруг старше больше чем на 20 лет, в документах зафиксировано три. Подводя итоги, можно сказать, что структура семьи соответствует объемам хозяйственной деятельности служилых людей и детей казачьих.

Учитывая особенности хозяйственной деятельности рассмотренной социальной группы, в первой четверти XVIII в. некоторые категории служилых людей постепенно попадали в сословие государственных крестьян. Петровскими указами 1719–1724 гг. туда были включены отставные казаки и солдаты, потомки пушкарей, затинщиков и воротников XVII в., дети боярские, не верстанные в службу потомки служилых людей дети казачьи, а в 1759 г. население Томского уезда было приписано к Колывано-Воскресенским горным заводам. В числе приписных крестьян оказались потомки служилых людей, отставных казаков, казачьих детей и прочих, попавшие в категорию разночинцев. Попали в число приписных крестьян даже некоторые окрестынявшиеся потомки детей боярских и дворян.

Как отмечала З.Я. Бояршинова, фамилии служилых людей среди крестьян в 1820-е гг. чаще всего встречались в селениях тех уездов, где к концу XVII в. конные и пешие казаки и дети боярские составляли большинство хлебопашцев. Сопоставляя фамилии конных и пеших казаков, живших в селениях Томского уезда, с фамилиями крестьян в тех же селениях в первые десятилетия XIX в., нетрудно убедиться в их полном сходстве [6. С. 235]. Фамильный состав требует отдельного исследования. С другой стороны, изучение фамильного состава служилых людей позволяет проследить судьбы второй, менее многочисленной ветви потомков служилых людей, которые свою судьбу связали не с земледелием, а оказались в городе, занимаясь ремеслом и торговлей, вошли в посадскую общину Томска, стали горожанами, мещанами и в дальнейшем пополнили ряды купечества. С опорой на «Краткую энциклопедию по истории купечества и коммерции Сибири» удалось выявить и сопоставить ряд фамилий, которые принадлежали в первой четверти XVIII в. служилым людям, а позднее – в конце XVIII – начале XIX в. – купцам города Томска, преимущественно 2-й и 3-й гильдий. Из фамилий, выявленных по Подгороднему стану, среди купеческих определяются следующие: Аркашевы, Колмогоровы, Нехорошевы, Пермитины, Плотниковы, Протопоповы. Так, Аркашев Матвей Андреевич, томский купец третьей гильдии записался в купцы с капиталом 510 руб. сер. (1782 г.). Еще один представитель этой фамилии – Аркашев Алексей, из мещан был записан в купечество и вместе с двумя компаньонами в 1770–1774 гг. организовал на судне «Александр Невский» промышленную экспедицию на Андреяновские острова. Судно было взято у казны за 4 000 руб., а по окончании экспедиции его промысел был оценен в 136 050 руб. [11. Т. 1, кн. 1. С. 38]. Колмогоров Василий Федорович (1761–1803 гг.) в 1797 г. был записан в третью гильдию с капиталом 2 000 руб., в 1798 г. – во вторую, с капиталом 8 050 руб., в 1799–1802 гг. числился опять в третьей гильдии с капиталом 2 000 руб. Был женат на дочери томского сибирского дворянина Василия Губинского Марье (р. 1768 г.). У Василия Федоровича был один сын, Яков, рожденный в 1797 г.

После смерти Василия Федоровича опекунами над его именем были определены местные купцы Григорий Зеленин и Дмитрий Барковский, затем – Дмитрий Квасников и Николай Прокопьев.

В энциклопедии встречаются еще два представителя фамилии Колмогоровых – Алексей Андреевич, купец третьей гильдии с капиталом в 510 руб. и Григорий Андреевич, который характеризуется как крупный купец Томска середины XVIII в., первогильдеец с капиталом 1000 руб. Торговал в Кяхте и Семипалатинской крепости мехами, юфтью и российскими товарами. В 1759–1760 гг. и 1764–1767 гг. был бургомистром в магистрате. В 1767 г. подписывал наказ в Уложенную комиссию. Во второй половине 1770-х – начале 1780-х гг. числился в третьей гильдии с капиталом 600 руб. [11. Т. 2, кн. 2. С. 35]. Купцы Нехорошевы – томские купцы XVIII – начала XIX в. Михаил (р. 1726 г.) – из заводских (приписных) крестьян, с 1789 г. Состоял в третьей гильдии, хотя и ранее проживал в городе Томске и «производил приличные градской жизни промыслы». Сын Иван состоял в третьей гильдии в 1806–1807 гг. с объявленным капиталом 2000 руб., в 1808–1812 гг. – с капиталом 8 010 руб. В 1803 г. был ратманом в магистрате [11. Т. 3, кн. 2. С. 32]. Пермитин Иван Осипович – томский купец третьей гильдии в 1778–1782 гг. Имел трех сыновей Данила, Василия и Якова, информации об их торговой деятельности нет. Еще один представитель фамилии – Яков Александрович (у. 19.04. 1896 г.) – томский купец второй гильдии, владел кожевенным, мыловаренным и свечным заводами (1890 г.) [11. Т. 3, кн. 2. С. 124–125].

Плотников Николай Андреевич – томский купец третьей гильдии с объявленным капиталом в 600 рублей, торговал рыбой и прочими товарами (1775–1786 гг.) [11. Т. 3, кн. 3. С. 18]. Протопоповы – томские купцы XVIII в. Первый представитель фамилии – Михаил Матвеев (р. 1747 г.) был записан в купцы третьей гильдии из старожилов с объявленным капиталом 550 руб. (1771 г.), затем прибавил еще 540 руб. и объявил 1090 руб. (1782 г.). Торговал разными российскими товарами, а также скотом. В 1786 г. пригнал для продажи 40 голов скота, но, так как нарушил правила торговли, должен был уплатить штраф по 15 коп. с каждой головы. Владел двумя домами собственной постройки и заседал в словесном суде (1776 г.). Вторым браком был женат на Марье Ивановне (р. 1758 г.), дочери мельника, имел сына – Ивана (р. 1766 г.), женатого на дочери нарымского купца К. Соснина Марье Кондратьевне, и дочь Марью. Еще три купца принадлежали к третьей гильдии: Николай Матвеев, записался в купцы из местных мещан с объявленным капиталом в 550 рублей (1782 г.), Федор Андреев, торговавший российскими товарами, и Яков Андреев, также записавшийся в купцы из местных мещан с капиталом 550 руб. (1778–1782 гг.) [11. Т. 3, кн. 3. С. 61–62]. Из фамилий по Спасскому стану удалось установить среди купцов представителей фамилии Вершининых, Карповых, Кафтанчиковых, Хлебниковых, Шутовых. Вершинины являлись купцами третьей гильдии в конце XVIII в. Семен Яковлевич Вершинин поступил в купцы третьей гильдии из заводских крестьян в 1782 г. с капиталом в 1010 рублей. Имел в городе покупной дом, торговал российскими «мелочными» товарами, по причине преклонного возраста находился в городе безвыездно, а его дети бывали в отлучках. После смерти

отца сыновья Иван (р. 1741 г.) и Василий (р. 1742 г.) объявили совместный капитал в 2000 руб. Братья владели кожевенным заводом и занимались изготовлением и продажей кож. Однако в самом конце XVIII в. их финансовое положение пошатнулось, а распоряжение томской администрации от 1804 г., запрещавшее иметь в городе при жилых домах кожевенные и мыловаренные заводы, усугубило их положение. Пришлось искать для кожевни новое место за городом и начинать производство заново. В конце концов они выбыли из купеческого сословия в местные мещане [11. Т. 1, кн. 2. С. 28]. Карпов Михаил Иванович в 1817–1823 гг. состоял во второй гильдии с капиталом 20 000 руб., в 1824 г. перешел в третью гильдию с капиталом 8 000 руб., торговал по городам и ярмаркам различными российскими товарами [11. Т. 2, кн. 1. С. 171]. Кафтанчиков Семен Михайлович (р. 1753 г.) поступил в купцы третьей гильдии в 1798 г. из местных мещан с капиталом 2 000 руб., состоял в купечестве до 1808 г., занимался мелочной торговлей [11. Т. 2, кн. 1. С. 17]. Среди купцов конца XVIII в. числилась Екатерина Михайловна Хлебникова (р. 1777 г.), в третьей гильдии с капиталом 8 000 руб., а муж Иван числился в мещанах. Семья занималась торговлей и различными промыслами, извозом и подрядами. К середине XIX в. дела семьи расстроились, и они выбыли из списков купечества [11. Т. 4. Кн. 2. С. 84]. Достаточно многочисленными среди томского купечества были представители фамилии Шутовых. Так, Василий Федоров Шутов (р. 1746 г.) числился купцом третьей гильдии с объявленным капиталом 1 000 руб., поступил в купечество из заводских крестьян. Торговал разными российскими товарами, а также покупал в уезде рыбу, муку, пшеницу и продавал в розницу в городе. Владелец построенного дома (1786 г.). Жена – Анна Андреевна, дочь заводского крестьянина. Детей нет. Михаил Дмитриевич Шутов – купец 3-й гильдии с объявленным капиталом 2 000 руб. (1800 г.) и 8 000 руб. (1809 г.). Внес на оборону страны 320 руб. в 1812 г. Петр Андреевич Шутов (р. 1742 г.) также являлся купцом третьей гильдии с объявленным капиталом 500 руб. (1775 г.) и 1 000 руб. (1787 г.), из цеховых, старожил. Торговал преимущественно российскими товарами, которые закупал на ярмарках. Владел недвижимостью: построенным домом, одной лавкой в старом деревянном торговом ряду и пятью частями в новом каменном гостином дворе (1787 г.). Федор Борисович Шутов (р. 1719 г.) объявил себя купцом третьей гильдии с капиталом 500 руб. (1775 г.) и 2 000 руб. (1785 г.), из заводских крестьян, старожил. Жил безвыездно в городе и торговал российскими товарами. Владел недвижимостью – имел два дома (один купленный, другой – построенный), при одном из них кожевенный завод, в каменном гостином дворе две части (1787 г.) [11. Т. 4, кн. 3. С. 50–51]. Из потомков служилых людей Чулымского стана среди купеческого сословия прослеживаются представители фамилии Базиных, которые с середины 1810-х гг. до середины XIX в. постоянно находились в рядах томских купцов третьей гильдии. Династия объединяла несколько поколений: родоначальник Михаил Петрович (у. 1836 г.), сын Маркел (у. 1838 г.), внуки Николай (р. 1813 г.), Петр (р. 1823 г.) и Александр (р. 1829 г.). Михаил Петрович поступил в купечество из местных мещан в 1816 г. с капиталом 8 000 руб. в третью гильдию. В 1819 г. он сообщал, что «торгует по Томску и

уезду оного разными мелочными товарами». Семья получала доход не только от торговли, но и от судоходства, а с 1850-х гг. – и от золотопромышленности [11. Т. 1, кн. 1. С. 58]. Таким образом, на основании материалов удалось установить, что из 48 выявленных фамилий служилых людей по трем станам Томского уезда представители 13 фамилий (27 %) в конце XVIII – начале XIX в. состояли в купечестве, преимущественно в купцах третьей гильдии, осуществляя торговлю мелочными товарами. Изучение служилых людей и их потомков, фамильного состава населения не с точки зрения макро-, а с точки зрения микроистории может послужить основой для дальнейшего исследования населенных пунктов Томского уезда, воссоздания их истории вплоть до современного периода, а также для изучения судеб потомков служилых людей, проживавших в г. Томске.

Литература

1. *Бояришинова З.Я.* Развитие русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // *Материалы по истории земледелия СССР.* М., 1952. С. 256–271.
2. *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Новосибирск, 1981.
3. *Люцидарская А.А.* К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII века // *Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири.* Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 62–78.
4. *Никитин Н.И.* Служилые люди Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск, 1987.
5. *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 2005.
6. *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
7. *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а.
8. *Расходная книга* Томского города за 1629–30 гг. // *Из истории земли томской.* Век XVII: Коллекция документов ГАТО. Томск, 2004.
9. *Из истории земли* Томской 1604–1917 гг.: Сборник документов и материалов. Томск, 1978. Вып. 1.
10. *Центр хранения* архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. д-1. Оп. 1. Д. 328.
11. *Краткая энциклопедия* по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск, 1994–1999.
12. *Бояришинова З.Я.* Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // *Вопросы истории Сибири.* Томск, 1964. Вып. 3. С. 5–18.